

**ВЕХИ ИСТОРИИ:
ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ****История в событиях.
Новое прочтение****Великая французская революция
в современном ей философском сознании:
расходящиеся линии интерпретации**

А.А. Кротов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-61-77

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье рассматриваются альтернативные истолкования Великой французской революции, выдвинутые выдающимися мыслителями, ее современниками. Для философского сознания революция всегда была поводом высказаться о наиболее общих социальных проблемах, сформулировать то или иное видение истории как таковой. Анализируются главные особенности концепций Барнава и Сен-Мартена, выражающие натуралистическую и теологическую интерпретации революционных событий. Если Барнав рассматривает революцию сквозь призму теории прогресса, то Сен-Мартен оценивает ее, отталкиваясь от понятия грехопадения. Сен-Мартен видел в революции средство обновления религии, Барнав — закономерное звено в процессе ослабления ее социальной роли. В то время как философская методология Барнава в значительной степени опирается на просветительский сенсуализм, позиция Сен-Мартена строится на его отрицании. При всех различиях точек зрения Барнава и Сен-Мартена, есть у них и сходные интенции, соприкасающиеся мотивы. Прежде всего, это убеждение в необходимости революции, важности ее для человечества в целом, ее справедливости. Революция не воспринимается ими как крушение здравого смысла и основ общества. Напротив, она воплощает собой неизбежную расплату за злоупотребления прошлого и символизирует начало пути к лучшей жизни, ожидающей человечество. Чем больше революция отдалялась в прошлое, тем больше встречалось сторонников ее секуляризированной интерпретации. На первый план выдвигается обсуждение интересов сословий, классов,

вопросов распределения собственности и выстраивания социальной иерархии. Провиденциалистская модель теряет в популярности, выглядит в глазах весьма многочисленной группы исследователей все менее успешной. Но различные ее элементы продолжают сохраняться в культуре, присутствуют в ее дыхании, ритме и развитии, воспроизводятся вновь и вновь.

Ключевые слова: Великая французская революция, французская философия, философия истории, Барнав, Сен-Мартен.

Кротов Артем Александрович – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Цитирование: Кротов А.А. (2018) Великая французская революция в современном ей философском сознании: расходящиеся линии интерпретации // Философские науки. 2018. № 9. С. 61–77.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-61-77

The French Revolution in Then-Contemporary Philosophical Consciousness: The Divergent Lines of Interpretation

A.A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-61-77

Original research paper

Summary

The author examines the alternative interpretations of the French revolution, which were offered by outstanding thinkers, its contemporaries. For philosophical consciousness, a revolution is always an occasion to express the most common social problems, to outline this or that vision of history as such. The article reviews the main features of Barnave's and Saint-Martin's theories, which present naturalistic and theological interpretations of the revolutionary events. While Barnave considered the revolution in light of the theory of progress, Saint-Martin understood it through the concept of original sin. Saint-Martin saw the revolution as means for religion renovation, Barnave interpreted the revolution as a phase in the course of fading of religion's social role. While Barnave's philosophical methodology was substantially based on Enlightenment sensationalism,

the position of Saint Martin relied on its denial. Despite all the differences between Barnave's and Saint-Martin's points of view, they shared similar intentions, analogous motives. First of all, there was a belief in need of revolution, in its justice and importance for mankind. The revolution was not understood by them as the collapse of common sense and foundations of society. On the contrary, the revolution was inevitable payment for abuses of the past, and it symbolized the beginning of a path to the better life awaiting mankind. The more the revolution receded into the past, the more proponents of its secular interpretation appeared. The primary focus was on the interests of social estates and classes, the issues of distribution of property and formation of social hierarchy. The providential approach to history lost its popularity, looked less and less feasible in the opinion of very numerous group of scholars. Nevertheless, the various elements of this approach remain in culture, they are present in the breath, rhythm and development of culture, they are reproduced again and again.

Keywords: French revolution, French philosophy, history of philosophy, Barnave, Saint-Martin.

Artem Krotov – D.Sc. in Philosophy, Head of the Department of History and Theory of the World Culture, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

krotov@philos.msu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-0590-4020>

Citation: Krotov A.A. (2018) The French Revolution in Then-Contemporary Philosophical Consciousness: The Divergent Lines of Interpretation. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 9, pp. 61–77.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-9-61-77

Введение

Французская революция породила немалое количество разнообразных интерпретаций, вызвала к жизни множество разноречивых суждений об истинном содержании связанных с нею событий. Для философского сознания революция всегда была поводом высказаться о наиболее общих социальных проблемах, сформулировать то или иное видение истории как таковой. В подобном контексте истолкование причин и хода революции выглядело своего рода «пробным камнем» философской концепции, позволяло выявить степень ее убедительности, устойчивости в отношении критики, способности противостоять течению времени, не теряя привлекательности для умов последующих поколений. По существу уже в среде современников, непосредственных участников великой французской революции мы встречаем две противоположно направленные

ные линии ее философской интерпретации: натуралистическую и теологическую. Они неразрывно связаны с интеллектуальной культурой предшествующей эпохи, равно как и с социальным опытом своего времени. Они продолжают свое интеллектуальное существование в последующий исторический период, становятся неотъемлемой частью культурного ландшафта. Свое по форме четкое, в мировоззренческом плане довольно полное выражение они находят уже в произведениях Барнава и Сен-Мартена.

Революция как следствие столкновения «естественных сил»

Антуан Барнав (1761–1793), следуя семейной традиции, в годы «старого порядка», занимался адвокатской практикой. Избрание в число депутатов Генеральных Штатов открывает ему путь к политической деятельности, он входит в круг влиятельнейших участников революционных событий. Достаточно быстро он приобретает репутацию выдающегося оратора, как в Учредительном собрании, так и в Якобинском клубе. Несогласие с позицией многих якобинцев побуждает его перейти в клуб фельянов, куда вместе с ним вступают и иные сторонники идеи конституционной монархии. Падение королевской власти в 1792 г. сопровождается преследованием тех, кого считают ее приверженцами, участниками контрреволюционного заговора. Барнав подвергается аресту; ему выносят смертный приговор.

Во «Введении во французскую революцию» (1792, опубл. 1843) он кратко выразил свое понимание современных ему событий, высказал оценку их причин и, с его точки зрения, их подлинного смысла. Согласно Барнаву, «если существовал способ предотвратить взрыв народной силы, он был в ее соединении с правительством, каким оно было установлено, и в открытии всех путей карьеры для третьего сословия; сделали прямо противоположное» [Barnave 1960, 53]. При этом он далек от мысли, будто революцию мог бы отсрочить какой-либо субъективный фактор. Непосредственные ее причины он видит в естественном развитии «демократического принципа», связывает с ситуацией и во внутренней, и во внешней политике. В течение длительного времени крупные землевладельцы все более разорялись, параллельно этому явлению различные умения и торговля обогащали наиболее предприимчивую часть населения. Происходило имущественное сближение сословий и, вместе с тем, благодаря наукам и образованию, их сближение в области нравов. Вследствие упомянутых изменений политическая идея равенства стала находить все большее число сторонников. «Демократический принцип, который был почти задушен во всех европейских образах правления, пока сохранялась энергия феодального режима, не прекращает с

того времени приобретать силу и стремиться к своему развитию» [Barnave 1960, 51]. Повсеместно монархи старались опереться на народ в своей борьбе за полноту власти против притязаний аристократов. В этом совместном противостоянии общему врагу, аристократии, третье сословие занимало подчиненное по отношению к королям положение. Но оно перестало его удовлетворять, когда изменился баланс сил, именно тогда третье сословие предъявило свои права на участие в управлении государством.

Согласно Барнаву, со времен кардинала Ришелье политическая роль дворянской аристократии, своеволие которой сильно возросло в период гражданских (религиозных) войн, существенно снизилась. Произошло также ослабление нравов привилегированных сословий, моральная деградация некоторой их части, на фоне роста просвещенности и богатства представителей третьего сословия. «Все было готово во Франции к демократической революции, когда несчастный Людовик XVI вззошел на трон» [Barnave 1960, 52]. Политика королевского двора в немалой степени способствовала падению престижа верховной власти. Министры, предлагавшие реформы, которые сами не могли претворить в жизнь, как бы задавались целью внушить мысль, что подданные вполне могут обойтись без них. Внешнеполитическая обстановка также вполне способствовала революции. Традиционно враждебная политика французского королевства в отношении Англии привела к поддержке восстания ее колоний против метрополии. Война за независимость в американских колониях имела три важных следствия для Франции, подтолкнувших развитие событий в сторону революционных изменений. Во-первых, нация прониклась идеей свободы и правомерности восстаний; во-вторых, армия усвоила настроения, которые соединяли вместе военные и гражданские добродетели; в-третьих, вмешательство в заокеанские дела в очередной раз расстроило финансы и выбило из рук правительства важный рычаг как раз в критический момент.

Помимо непосредственных, ближайших причин революции Барнав выделяет и отдаленные, более глубокие, определяющие историю человечества вообще. «Напрасно намеревались образовать точную идею великой революции, которая всколыхнула Францию, рассматривая ее изолированно, отделяя ее от истории империй, которые нас окружают, и веков, которые нам предшествовали» [Barnave 1960, 1]. Сущность революции можно исчерпывающе объяснить, лишь устремив взор на общие причины, связанные с природой вещей. Прежде всего, в этом плане, следует осознавать, что «воля человека не создает законов: она не может ничего или почти ничего в отношении формы правления. Это природа вещей, – социальный период, к которому подошел народ,

земля, на которой он обитает, его богатства, нужды, привычки, нравы, – распределяет власть; ее предоставляют, в зависимости от времени и места, одному, нескольким, всем» [Barnave 1960, 3]. В истории народов смена формы правления может быть медленной, мягкой, почти незаметной, или же насильственной и жестокой. Среди множества факторов, оказывающих влияние на структуру власти, Барнав выделяет три, на его взгляд, решающих, доминирующих над остальными: военная сила, собственность, общественное мнение. Три упомянутых «естественных силы» могут противостоять друг другу, также как и выступать в союзе.

В своем стремлении представить революционные события в их подлинной перспективе, французский мыслитель выстраивает целостную философию истории. Он выделяет четыре этапа в развитии человечества. Первый период он определяет как охотничий. Собственность в этом состоянии «едва известна», все блага сводятся для человека к тем шкурам, которыми он укрывается, к его луку и стрелам, к подстреленной дичи. Но именно тогда формируются первые элементы политических учреждений: демократический принцип представлен «естественным равенством», монархический – военным вождем, аристократический – носителями знаний, жрецами. Второй период в истории человечества – пастушеский. Возрастание числа людей побуждает их искать иной способ пропитания, не столь шаткий и ненадежный, как охота. Ради выживания человек отказывается от части своей независимости, поскольку необходимость защищать возросшую собственность укрепляет как военную, так и гражданскую власть. От «естественной демократии» не остается и следа, происходит резкое разграничение между бедными и богатыми. Третий период истории – земледельческий. Люди оставляют бродячий образ жизни, вынуждаемые к тому продолжающимся ростом численности племен. Земля подвергается разделу, не остаются общими ни поля, ни леса. В ходе этого раздела не может идти речи о равенстве. Крупные собственники постепенно поглощают имущество более мелких. Люди создают города, где более слабые, по крайней мере, своим числом, могут противостоять могущественным господам. Уровень невежества в обществе чрезвычайно высок. Наконец, четвертый период истории характеризуется преобладанием мануфактурного производства и торговли. Возникает новый способ приобретения богатства. Он с необходимостью, постепенно подготавливает изменения в политическом строе.

Согласно одному из центральных положений концепции Барнава, «основой аристократии является земельная собственность, основой монархии – государственная сила, основой демократии – движимое имущество» [Barnave 1960, 13]. Он выделяет три направления из-

менений, произошедших в Европе под влиянием прогресса в области ремесел и торговли. Прежде всего, коммуны, разбогатевшие благодаря собственному труду, сперва покупают свою свободу у сеньора, затем землю, что приводит к ослаблению феодального режима в «гражданском отношении». Далее, происходит освобождение от папской власти, половина Европы выходит из подчинения ее духовному авторитету. Барнав настаивал на том, что при феодальном режиме «духовенство приобрело огромные богатства и основало абсурдную и непомерную власть на общем невежестве» [Barnave 1960, 25]. Наконец, движимая собственностью существенно изменяет в Европе политическое устройство государств. «Именно это поступательное движение, общее всем европейским правлениям, подготовило во Франции демократическую революцию и заставило ее разразиться в конце XVIII века» [Barnave 1960, 14].

Барнав не видел никакой связи революции со сверхъестественным миром. И ближайшие, и отдаленные, фундаментальные причины исторических событий он усматривает в земной плоскости, в духе просветительской философии отстаивая идею прогресса. Духовенство и религия ассоциируются для него с невежеством и злоупотреблениями. Феодальный режим – с тиранией. В мировосприятии Барнава законы природы – доминанта общественной жизни. Собственность, общественное мнение, идея равенства, – с его точки зрения, – важнейшие факторы, которые следует учитывать при истолковании смысла событий революционной эпохи. Разумеется, в мировоззренческом плане Барнав отнюдь не одинок; он интересен именно как выразитель одной из ведущих интеллектуальных тенденций переломного времени. Но это же время рождает и иной вектор, иные теоретические установки, воплощенные в альтернативной концепции революции.

Провиденциалистское истолкование революционных событий

Луи Клод де Сен-Мартен (1743–1803) родился в Амбуазе, в дворянской семье. Он изучал право, затем поступил на военную службу; одним из самых значительных событий его жизни оказалось знакомство с Мартинесом Паскуалли, которого он считал своим духовным учителем. Выйдя в отставку в 1771 г., он посвящает свои силы теософским размышлениям, публикуя свои произведения под псевдонимом «неизвестный философ».

Сен-Мартен сформулировал концепцию французской революции, оказавшую значительное влияние на философию эпохи Реставрации. Его «Письмо к другу, или политические, философские и религиозные соображения о французской революции» (1795) и

предвосхитило, и вдохновило многие последующие суждения на тему насильственных социальных преобразований.

Как и Барнав, Сен-Мартен выдвигает собственный вариант философии истории, внутри которого находит свое место объяснение событий революционной эпохи. Он констатирует несомненное, на его взгляд, проявление Провидения на всех этапах «удивительной» революции. «Я думаю, что его справедливая рука имела целью уничтожение злоупотреблений, которые отравляли прежнее правление Франции во всех ее частях: злоупотребления, среди которых первое место занимали честолюбие священников и их святотатственное лихоимство» [Saint-Martin 1990, 47]. Действие Проведения, скрывающееся за калейдоскопом событий революционной эпохи, направлено, по мысли философа, на очищение человеческого разума от ложных устремлений. Со своей слабой волей, апатией, нисколько не препятствующими осквернению разума нечистыми целями, люди показали себя не способными избавиться от них самостоятельно. Они нуждались в помощи и поддержке свыше. Благодаря манифестации Провидения народам будут явлены «дни света и мира», которые придут на смену яростным столкновениям страстей и вооруженной борьбе.

Автор «Письма» представляет свое произведение как результат шестилетних размышлений о революции, о «кризисе», по его мысли, пока еще не завершившемся. Он говорит о желании служить своей стране как об основном мотиве, побуждающем его изложить на бумаге соображения о смысле событий последних лет. Выдвигая на первый план провиденциальную модель истории, он уделяет немалое внимание проблеме существования Бога. Возможны ли в данном случае доказательства? Для Сен-Мартена положительный ответ несомненен. Но он критически отзываясь о попытках современников представить решение этой важнейшей мировоззренческой проблемы. Даже религиозные философы, в большинстве своем, по мысли Сен-Мартена, пользуются негодными средствами в своих рассуждениях о Боге. Они стремятся доказать бытие Бога, ссылаясь на природу, сам строй которой отсылает нас к верховной причине. «Остается еще доказать справедливого Бога, Бога, господствующего над свободными существами, Бога любящего, наконец, Бога, указывающего нашим душам и нашим мыслям пути, на которых мы могли бы соответствовать целям его мудрости» [Saint-Martin 1990, 48]. Все перечисленные свойства божественного существа ускользают от внимания тех, кто видит в нем лишь творящую по отношению к природе причину. Для Сен-Мартена принципиальное значение имеет почитание Бога человеком, которое должно быть «взвешено», оценено верховным разумом. Он настаивает, что религия была бы пустым звуком,

если бы для человека не существовало иного понимания Бога, кроме представления о нем, сводящегося к идее творения природы. В этом случае не оставалось бы места человеческой надежде, сама мысль о религии не могла бы возникнуть. Сен-Мартен заявляет, что лишь человеку известна религия, хотя все сотворенные существа находятся под управлением творца природы. Поэтому-то идея творения недостаточна, чтобы судить о Божестве.

Французский мыслитель настаивает на том, что доказательство бытия Бога, основанное на изучении природы, и недостаточно, и бесполезно. Подлинный путь к Богу начинается в душе человека. Душа, в своем величии и бессмертии отражает, подобно зеркалу, «чистые и святые лучи», составляющие образ Божества. Отбросить этот внутренний путь к Создателю означает лишить себя важнейшего источника света, закрыть его «мрачным покрывалом». «Единственный способ, следовательно, который мы имеем для доказательства Бога справедливого, Бога правящего над свободными существами, наконец, Бога любящего и источника счастья, которое могло бы передаваться другим существам, был бы, наверное, доказательством существования в его творении некоторой основы или некоторой сущности, аналогичной его собственной, способной получать и чувствовать то счастье, началом которого он является; наконец, был бы доказательством духовного и бессмертного существования человеческой души, поскольку эта человеческая душа, в своей полноте и единстве есть вся желание и любовь» [Saint-Martin 1990, 50–51]. Душа, по Сен-Мартену, – «активное свидетельство» существования любящего Бога, в то время как природа – «пассивное свидетельство» всемогущества Творца. Два упомянутых аспекта должны лежать в основании философских рассуждений, которые, по его мнению, надлежит развить с наибольшей точностью и тщательностью.

Сен-Мартен замечает, что многие мыслители признавали бессмертие души, но далеко не всякий был способен его обосновать, постигнув должным образом. Для решения подобной задачи он предлагает, прежде всего, провести внимательное разграничение двух субстанций, составляющих человека, всячески воздерживаясь от ошибочного принятия ощущений за основу для образования идей. Такого рода сенсуалистический тезис он характеризует как грубую ошибку, свойственную «материальной философии», приводящей к разрушительным последствиям в теории. Согласно Сен-Мартену, власть материи по отношению к духу сугубо пассивна, она оказывает воздействие на отдельные его способности, но не в состоянии его уничтожить. Стоит ему освободиться от давления материальных обстоятельств, как его способности восстанавливают свои права, возвращаются к

свойственному им ритму действий. Материя не в состоянии преобразовать дух; его же влияние на нее, напротив, активно, носит творческий характер.

Первоочередной потребностью и пищей души Сен-Мартен считал поклонение, восхищение совершенством, испытывать которое привычно всем людям. Именно потребность в поклонении чему-то высшему указывает на существование начала бытия, неизмеримо превосходящего человека. Подобный ход мысли, по мнению французского философа, одновременно доказывает и бытие Высшего существа, и превосходство человека над всеми другими творениями, ибо только он способен возвыситься до поклонения вечному источнику жизни.

Далее, само слово «религия», по Сен-Мартену, указывает на связь между творениями и причиной их существования, источником любой гармонии и порядка. Но связь эта оказалась подвергнутой порче, ухудшению, причем не по вине Высшей силы. Человеческая свобода, свойственная нам изначально, однажды послужила отнюдь не во благо рода людского. Ухудшение связи с Создателем объясняет, почему религия в ходе истории выступала причиной многих злоупотреблений. Вместе с тем божественная любовь открывает многочисленные, разнообразные пути обновления для человека. Человек, полагал французский философ, в глубине самого себя должен найти «объяснение всех чудес», важнейшие истины нужно черпать не из книг, но из источника, им предшествующего, в сокровенной основе нашего бытия. Именно этот путь делает понятным присутствие Провидения во французской революции.

Революцию, по Сен-Мартену, направляет «невидимая рука», только этим обстоятельством и возможно объяснить стремительное ослабление государственной власти, ее падение, равно как и последующие события. «Когда рассматривают эту революцию в ее целостности и быстроте ее развертывания и особенно, когда сопоставляют ее с нашим национальным характером, столь далеким от создания и, быть может, от возможности следовать подобным планам, возникает искушение сравнить ее с чем-то вроде феерии и магического действия» [Saint-Martin 1990, 58]. Смысл революции раскрывается в ее деталях. Хотя потрясения затронули все сословия, наиболее сильный удар пришелся по духовенству. Дворянство, настаивал Сен-Мартен, лишь по видимости столкнулось с несправедливыми лишениями. В то время как люди равны по своей природе, дворянские привилегии в их среде являются чем-то вроде «чудовищного нароста», искажающего человеческие отношения. Сен-Мартен полагал, что еще до революции усилиями ряда монархов и их доверенных лиц, министров дворянство было настолько принижено, что в ходе дальнейших событий

оно утратило только «пустые имена» и «воображаемые титулы». Священнослужители, напротив, сохраняли в своем распоряжении все ранее присвоенные, искусственно приобретенные ими права. Поэтому именно священнослужители в первую очередь испытали на себе воздействие «карающей руки» Провидения. Более того, представители духовенства виновны более прочих, поскольку косвенно именно они способствовали преступлениям других сословий. В особенности, священнослужители по-творюствовали злоупотреблениям королей, придавали иллюзию законности их проступкам, пользуясь взамен определенными благами. От монархов злоупотребления естественно и последовательно распространялись и на остальные части государства. При этом многим представителям духовенства было свойственно стремление заменить собой Провидение, взять на себя его роль в общественной жизни, присвоить себе право господствовать над людьми. Рассуждая о Боге, они думали только о собственной выгоде в этой земной жизни.

Король Франции, по Сен-Мартену, был самым могущественным из европейских монархов, потому то, что случилось в его стране, поучительный пример для всех, пребывающих на троне и забывающих о важных истинах, сообщающих единство нации. Французская революция по своей сути — «революция человеческого рода». Ни один сотворенный разум не смог бы заранее составить ее плана; сами деятели революции начинали ее, никак не предполагая тех результатов, к которым она привела. Согласно Сен-Мартену, уже то обстоятельство, что революция началась в такой великой стране, предвещало ее успех, так как менее значительное королевство не смогло бы сопротивляться своим многочисленным врагам. Все попытки противостоять революции оборачивались только ей на пользу, гибель отдельных ее адептов никак не замедляла ее общего хода. Современную ему эпоху французский философ предлагает рассматривать как кризисную, предвещающую установление «естественной и живой власти», которая призвана заменить находящуюся в конвульсиях.

Борьбу революционной Франции с коалицией государств Сен-Мартен рассматривает в качестве религиозной войны. Он не сомневается в том, что итоговый успех будет на стороне Франции. Вопрос о форме политического правления во Франции он считал предлогом к началу военных действий, но не подлинной причиной. Враги Франции хорошо понимали, что успех революции предвещает падение их собственной власти. Сен-Мартен замечает, что никакая война не в состоянии изменить мнения людей, оружием не внушают истин. Он полагал, что формирование «народного тела» и характер правительства являются следствием

исторических обстоятельств, определенного рода результатом своего времени. Человеку невозможно рассчитать заранее все последствия, связанные с возникновением той или иной формы правительственной власти. Согласно Сен-Мартену, писатели, рассуждавшие об общественной жизни скорее пытались сконструировать социальные связи, чем изучать «природу вещей». Прежде всего, многие упускали из вида то обстоятельство, что порча человеческой природы сделала невозможным построение общества на сугубо братских отношениях, взятых в их невинности и непосредственности. Вопреки философам, игнорирующим этот очевидный факт, человечество давно утратило свое первоначальное моральное состояние, что доказывается беспорядком и трагическими событиями в общественной жизни, о которых повествует история. При этом определенные смутные воспоминания об утраченном все-таки сохраняются в глубине души, и хотя подлинного братского общества пока не существовало в истории, оно предстает некоторым ориентиром для нас. Этот ориентир напрямую связан с подлинным решением политической проблемы, со всей остротой поставленной революцией. Члены братского общества в своих поступках руководствуются добродетелями, в то время как их истинный господин – Создатель. Естественное братское общество неотделимо от естественного гражданского (управляемого «законами вечной справедливости») и естественного политического (его основа – «принуждающие и карающие силы»). Как и братское, естественное гражданское общество отлично от существующих, господствующих законов которых зачастую слепы, лишены энергии и постоянства. Сен-Мартен настаивал на том, что выделяемые им три типа общества не следует рассматривать как последовательно сменяющие друг друга, они в своем истоке даны одновременно, переплетены друг с другом, их принципы представляют собой неразрывное единство. Уже первые представители человеческого рода заключали в себе ростки упомянутых обществ, так и оставшиеся до сего времени нераскрытыми. Братское, гражданское и политическое общества соответствуют естественным добродетелям людей, их способностям судить о справедливости и карать преступные деяния. По существу, речь не о трех отдельно существующих обществах, но о различных, хотя и взаимосвязанных аспектах единого целого. Они воплощаются в добродетели, справедливости и силе, которые связаны между собой как части одного тела. Ухудшение человеческой природы сопровождалось отдалением от возвышенного, запечатленного в глубине человека идеала общественной жизни. По мере умножения представителей человеческого рода политические блага все более сосредоточивались в руках людей

недостойных, мало пригодных к руководящей роли, нередко торжествовали наглые узурпаторы. Но даже и в такой ситуации благодаря Провидению в числе правителей встречались люди, приносившие согражданам огромную пользу во многом потому, что опирались на врожденные принципы, зафиксированные в их душе. К этим принципам отнюдь не были склонны обращаться философствующие публицисты, рассуждавшие о политических проблемах. Они упускали из вида настоящие основания здоровой политики, не погружались в глубину человека, их поиски блуждали на поверхности вещей. В результате, пытаясь вывести основы политической жизни из свойств греховной, испорченной человеческой природы, получали только негодные рецепты для управления государством.

Проблему собственности, по Сен-Мартену, ставили неверно, забывая о том, что человек складывается из двух субстанций, а потому для него должны существовать не только земные блага. Даже нынешнее положение человека, проходящего испытание в здешней жизни, не исключает для него возможности движения к подлинному счастью. Вместе с тем люди склонны смешивать социальный порядок с собственной алчностью, а внешнее подчинение с правами человека. «Настало время сказать тебе истину, которая не должна больше казаться тебе новой; правительство — только внешняя часть социального тела, тогда как субстанцией его является ассоциация, рассматриваемая в ее цели и различных свойствах» [Saint-Martin 1990, 95]. Какую бы форму правления ни устанавливали народы, основа человеческой ассоциации, по Сен-Мартену, должна оставаться неизменной, направленной на поддержание всех трех измерений общества. Изменение ассоциации, при сохранении ее основы, ее своеобразное взросление может вызывать естественную смену формы правления. Невозможно, таким образом законсервировать некий вечный режим, неизменную по своей структуре правительственную власть. При этом «социальное древо» питают и поддерживают «священные и бессмертные корни», восходящие к источнику бытия. Бесстрастное Провидение больше заботит моральное благо общества, чем его внешний покров, форма правления.

Прочетание общества мыслитель связывает с теократическим духом, опирающимся на неизменную мудрость, противоположным по своей сути той земной, «инфернальной теократии», имевшей чисто человеческий характер, попытки реализации которой были известны в истории. «Бог — единственный монарх и единственный суверен существ» [Saint-Martin 1990, 103]. Независимо от формы правления, люди, носители власти обязаны признавать высший разум своим руководителем, не уклоняясь от его путей,

что нередко случалось с ними прежде. Они – представители, или даже «комиссары» этого разума. «Человеческие монархии» и аристократии – результат злоупотреблений своим положением «комиссаров», которые по природе в действительности равны другим людям. Сен-Мартен признает, что можно было бы говорить и о суверенитете народа, но в ограниченном смысле, поскольку его цель связана с вечным благом. По его мнению, нации в своем существовании не должны зависеть от произвола одного человека. Возвышения и падения различных империй вовсе не определяются вторичными причинами вроде таланта полководцев или ошибок побежденных. «История Наций есть нечто вроде живой и подвижной ткани, сквозь которую непрерывно просачивается неоспоримая и вечная справедливость» [Saint-Martin 1990, 110]. Свои соображения об обществе, высказанные по поводу революции, Сен-Мартен провозглашает соответствующими подлинным основам «здания законодательства и политики».

Идеи Барнава и Сен-Мартена в контексте последующих интерпретаций французской революции

Линию Сен-Мартена на выявление сверхъестественной основы революционных событий, продолжил Жозеф де Местр. Он рассматривал французскую революцию как божественную кару, ниспосланную свыше с целью вернуть страну к ее истинному, религиозному предназначению, от которого она попыталась уклониться. «Никогда не лишне повторить, что отнюдь не люди ведут революцию, а что сама революция использует людей в своих собственных целях. Очень верно, когда говорят, что она свершается сама собой. Эти слова означают, что никогда доселе Божество не являло себя столь зримо в человеческих событиях. И если оно прибегает к самым презренным орудиям, то потому, что карает ради возрождения» [Местр 1997, 17–18]. Эмиль Брейе, характеризуя ситуацию во французской философской культуре, справедливо отмечал: «Мартинизм содержит, в общем и целом основное из контрреволюционных идей, которые разовьют Местр и Бональд» [Bréhier 2004, 1152].

В свою очередь, к интерпретации Барнава по-своему близки некоторые из выдающихся трудов французских историков периода Реставрации. В частности, Франсуа Минье утверждал, что «противозаконный порядок революция заменила новым, более справедливым и более соответствующим требованиям времени. Она заменила произвол законом, привилегии – равенством; она освободила людей от классовых различий, землю – от провинциальных застав, промышленность – от оков цехов и корпораций, земледелие – от феодальных повинностей и от тяжести десятины, частную собственность – от

принудительного наследования; она все свела к одинаковому состоянию, к одному праву и одному народу» [Минье 2006, 35].

Историки мысли XX в. настойчиво подчеркивали многогранную связь революции с господствующими идеями эпохи. Ролан Дене, в частности, заявлял: «Понимают, таким образом, благодаря разнообразию и размаху, который она принимает в XVIII в., что политическая рефлексия становится в то время тем, чем она никогда не была прежде, большой темой, способной привлечь внимание любого человека. Впрочем, через это осознание происходит, даже прежде 1789 г., переход от подчиненного к гражданину» [Desné 1999, 111]. Бернард Гротуйзен, ссылаясь на распространение представлений о нерушимости прав человека и на приписывание всеобщности принципам права в сознании эпохи, утверждал: «Философия французской революции представляет нечто вроде последнего звена в развитии естественного права. . . Во время французской революции принципы естественного права приобретают совсем новое значение. Речь шла о вмешательстве в живую реальность, о реализации на практике принципов естественного права» [Groethuysen 1956, 236–237].

Поль Азар, характеризуя эпоху Просвещения, замечал: «Оно закончилось, время неторопливых подходов, ученых писем, составленных с осмотрительностью, неуверенностью, благоразумием; время, когда оставляли действие времени». Новые идеи, продукт «долгого созревания», наконец доведены до завершения, они приобрели «свойство простоты, которое трансформировало политику в логику», поскольку «они отвечали некоторым из глубоких желаний нашего существа». Будучи результатом работы философов, установки Просвещения «меняли понятие суверена»; «в странах, где эти идеи встречали упорное сопротивление, они приводили к революциям». Такова американская революция, такова «Революция во Франции, этой Франции, где теории были выражены с наибольшей силой, и где практика не желала ничего уступать новому духу» [Hazard 2006, 187–189]. Характеризуя руссоизм, одну из наиболее влиятельных линий просветительской мысли, Анри Гуйе подчеркивал чрезвычайно важный ее аспект: «Здесь еще раз напомним о радикальной секуляризации политической власти в городе Жан-Жака» [Gouhier 2005, 258]. Жорж Гюсдорф обращал внимание на изменение специфического переживания человеком своего места в мире: «Фундаментальный феномен – новый альянс, установленный между человеком и его собственной жизнью, так же как отношение, посредством индивидуальной жизни, между человеком и живой природой. Литература и искусство Запада в XVIII в. характеризуются через утверждение “чувства природы”, вовсе не существовавшего в предшествующее столетие» [Gusdorf 1972, 528].

Выводы

Чем больше революция отдалялась в прошлое, тем больше, по-видимому, встречалось сторонников ее секуляризированной интерпретации. На первый план выдвигается обсуждение интересов сословий, классов, вопросов распределения собственности и выстраивания социальной иерархии. Провиденциалистская модель теряет в популярности и выглядит в глазах весьма многочисленной группы исследователей все менее успешной. Но различные ее элементы продолжают сохраняться в культуре, присутствуют в ее дыхании, ритме и развитии, воспроизводятся вновь и вновь.

Сен-Мартен видел в революции средство обновления религии, Барнав – закономерное звено в процессе ослабления ее социальной роли. В то время как философская методология Барнава в значительной степени опирается на просветительский сенсуализм, позиция Сен-Мартена строится на его отрицании. Если в концепции Барнава вопрос о собственности имеет ключевое значение, то для Сен-Мартена земные блага – нечто, располагающееся на самой поверхности бытия, не достигающее до глубинных корней реальности. Поэтому он и говорил о собственности нематериальной, которая в его интерпретации имеет более важное значение, чем видимая, воплощенная в различных предметах. Если Барнав рассматривает революцию сквозь призму теории прогресса, то Сен-Мартен оценивает ее, отправляясь от понятия грехопадения. Ход человеческой истории в этих двух концепциях интерпретируется по-разному, этапы ее намечены исходя из различных оснований.

При всех различиях точек зрения Барнава и Сен-Мартена, есть у них и сходные интенции, соприкасающиеся мотивы. Прежде всего, это убеждение в необходимости революции, важности ее для человечества в целом, ее справедливости. Определенное родство двух позиций и в том, что в них выражается уверенность в благотельных последствиях революции, которых следует ожидать в ближайшей перспективе. Революция не воспринимается ими как крушение здравого смысла и основ общества. Напротив, она воплощает собой неизбежную расплату за злоупотребления прошлого и символизирует начало пути к лучшей жизни, ожидающей человечество.

Как бы то ни было, различные ходы мысли, свойственные концепциям, сформулированным выдающимися современниками революции, находят своих сторонников и в последующие периоды истории. Конечно, они оказываются востребованными в разной степени, в той мере, в какой вступают в соответствие с индивидуальным и социальным опытом новых поколений. В этом отношении наследие революционной эпохи сохраняет

свою значимость, позволяет прояснить многообразные аспекты интеллектуальной истории.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Местр 1997 – *Местр Ж.* Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997.

Минье 2006 – *Минье Ф.* История французской революции с 1789 по 1814. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006.

Barnave 1960 – *Barnave A.* Introduction à la révolution française. – Paris: Armand Colin, 1960.

Bréhier 2004 – *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. – Paris: PUF, 2004.

Desné 1999 – *Desné R.* La philosophie française au XVIII siècle // Histoire de la philosophie / sous la dir. de F. Châtelet. T. IV. – Paris: Hachette, 1999. P. 79–118.

Gouhier 2005 – *Gouhier H.* Les méditations métaphysiques de Jean-Jacques Rousseau. – Paris: Vrin, 2005.

Groethuysen 1956 – *Groethuysen B.* Philosophie de la révolution française. – Paris: Gonthier, 1956.

Gusdorf 1972 – *Gusdorf G.* Dieu, la nature, l'homme au siècle des Lumières. – Paris: Payot, 1972.

Hazard 2006 – *Hazard P.* La pensée européenne au XVIII siècle. – Paris: Fayard, 2006.

Saint-Martin 1990 – *Saint-Martin L.C.* Controverse avec Garat, précédé d'autres textes philosophiques. – Paris: Fayard, 1990.

REFERENCES

Barnave A. (1960) *Introduction à la révolution française*. Paris.

Bréhier E. (2004) *Histoire de la philosophie*. Paris.

Desné R. (1999) La philosophie française au XVIII siècle. In: Châtelet F. (Ed.) *Histoire de la philosophie* (Vol. 4, pp. 79–118). Paris. 1999. .

Gouhier H. (2005) *Les méditations métaphysiques de Jean-Jacques Rousseau*. Paris.

Groethuysen B. (1956) *Philosophie de la révolution française*. Paris.

Gusdorf G. (1972) *Dieu, la nature, l'homme au siècle des Lumières*. Paris.

Hazard P. (2006) *La pensée européenne au XVIII siècle*. Paris.

Maistre J. de (1796) *Considérations sur la France*. Lausanne (Russian Translation: Moscow: Russian political encyclopedia, 1997).

Mignet F. (1824) *Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814*. Paris: Didot (Russian Translation: Moscow: State Public Historical Library of Russia, 2006).

Saint-Martin L. (1990) *Controverse avec Garat, précédé d'autres textes philosophiques* Paris: Fayard.